

Онуре Нзекву (р. 1928) — известный нигерийский писатель, автор двух романов, редактор журнала «Найджириэн мэгэзин».

МАМА

РАССКАЗ

ОНУРЕ НЗЕКВУ

СТАРУЮ Веронику Икенга провели в комнату для посетителей, и кто-то послал за Патриком. Как только он предстал перед ней, она закричала:

— Что ты со мной делаешь?

— А разве, матушка, я не вправе шагнуть без того, чтобы вы или дядя Ононве не вмешались?

Она смотрела на него во все глаза.

— Ах вот оно что! Так, значит, ты вправе погубить самую жизнь, которую твой отец и я дали тебе?! Ты подумал, что за ужасную вещь ты делаешь, пытаешься положить конец целому роду? Тебе когда-нибудь приходило в голову, что своим поступком ты выставил на посмешище всю родню, ославил нас на весь Адо? Не приходило ли тебе в твою умную голову, сколько сплетен вызовет твой поступок? Пойдет молва, будто ты евнух... Ну чем, чем таким уж важным можно оправдать то, на что ты решился?

— Ничем, я думаю. Но что в этом дурного, если я ступаю на стезю, по которой последуют и другие?

— Ты подумал, — спросила она, понижая голос, — что ты восстанавливаешь против меня всю отцовскую родню? Ведь они уверены, что ты сделал это по моему наущению. Ты понял, что убиваешь меня?

— Вы сами знаете, что у меня и в мыслях не было ничего такого, — ответил он.

— Тогда оставь это место и идем домой.

— Нет, мама.

— Сын мой, ты знаешь, что я люблю тебя и готова отдать жизнь, чтобы ты был счастлив. Я одного у тебя прошу: идем со мной, и женись, и роди, как все люди, детей, которые продолжат наш род. Большого мне не надо. Ты оправдаешь меня перед судом твоих праотцев, докажешь всем, что ты не евнух, и все мы будем счастливы. И каждый из нас пойдет своим путем: ты выучишься на священника, а я останусь с невесткой и внучатами...

— Нельзя стать духовным лицом после женитьбы. Послушайте, матушка, я не понимаю: почему вы так тревожитесь, когда сам бог призвал меня служить ему? Я сделал все, чтобы вы жили в довольстве, и, верьте мне, вы ни в чем не будете нуждаться. Я положил для вас в банк три тысячи фунтов, и каждый месяц вам будут выдавать достаточную сумму, чтобы вы жили, как королева.

— Твои деньги не нужны мне без тебя. Ты спрашиваешь, почему я так тревожусь. Потому, что я пытаюсь спасти тебя от наихудшего из преступлений, когда-либо совершенных в Адо, — дать погибнуть роду, будто некому его продолжить. Было время — и не так давно, — когда в семьях, где не было юноши, девушка сама вызывалась или ее уго-

варивали не выходить замуж, не покидать свое гнездо. Она жила в доме своего отца и рожала детей для своего рода. Жены, которым было отказано в счастье родить сыновей, поощряли супругов взять вторую, третью и даже четвертую жену, — только бы она вошла спасительницей в семью и родила сына. Всегда главное было иметь детей, особенно мальчиков, которые не давали угаснуть роду. А вот ты увиливаешь от долга, возложенного на тебя богом. И еще называешь себя женщиной!

Она замолкла, слезы катились у нее по лицу.

— Слушай, — продолжала она, — я не хочу, чтобы угас род Ионы Икенга. Он должен быть продолжен.

— Хорошо, матушка, я выслушал вас, — сказал Патрик. — Вы поставили меня перед трудным выбором. Мне нужно обдумать все это.

И как раз ударил колокол. Он созывал семинаристов в трапезную.

— Иди и поешь, — сказала она. — У тебя будет достаточно времени подумать. Я подожду тебя здесь, но не заставляй меня ждать слишком долго.

Патрик ушел, и она погрузилась в свои думы. Она не замечала, как течет время. А когда наконец она очнулась от мыслей, часы на стене пробили половину пятого. Она заподозрила неладное и направилась прямо в кабинет его преподобия ректора.

— Где мой мальчик? — спросила она, рывком отворив дверь.

— Разве вы с ним не виделись? — ответил его преподобие вопросом.

— Да. А потом он пошел поест и обещал вернуться.

— В таком случае я пошлю за ним. Полагаю, он задержался в часовне.

Она повернулась и торопливыми шагами направилась к часовне. Патрика там не оказалось. Мальчик-служка сказал ей, что Патрик только что пошел в комнату для посетителей. Она заспешила обратно, но и там его не было. Она снова пошла к его преподобию, но тот уже ушел. Она пыталась узнать, кто здесь был вторым по величине лицом, но ни один из семинаристов не стал с ней разговаривать, ибо как раз наступил час молчания. Она не знала, что делать: дольше она не могла оставаться в семинарии, было уже поздно, а она здесь никого не знала. Она вышла за ворота и отправилась в Адо.

Утром чуть свет она снова была в Учи. Ей пришла в голову одна мысль. Она направилась прямо к дверям его преподобия ректора, села у порога и принялась кричать как только могла громко:

— Святые отцы, верните мне моего сына!.. Вы не имеете права отбирать его у меня!.. Я его мать, и я не хочу жертвовать им, как ваши матери зачехто пожертвовали вами!..

Ее крик привлек внимание прохожих — мужчин,

спешивших на работу, детей, направлявшихся в школу, женщин, торопившихся на рынок. Группа женщин собралась за забором на обочине дороги, они с сочувствием смотрели на нее и качали головами. Ее слова доносились до них громко и отчетливо, и все они удивлялись, как это ее сына приняли в семинарию против ее воли.

— Зачем вам понадобилось обольщать мое единственное дитя? Зачем вам понадобилось делать из него евнуха? Если бы вы знали родовые муки, вы не осмелились бы отнимать дитя у матери...

Она кричала весь день, ненадолго умолкая, когда совсем уставала, и продолжала после передышки. Ее крики не давали работать его преподобию ректору в его кабинете и лекторам в аудиториях. Она то кричала, то хохотала, то осыпала их насмешками. Его преподобие ректор, святые отцы и даже семинаристы увещевали ее, но она не обращала на них внимания. Ей нужен сын! Вечером она отправилась домой.

На следующее утро она снова была в Учи и снова кричала так громко, как только могла. Когда они закрыли двери канцелярии, она уселась под окнами классов, а когда занятия кончились, стала ходить взад и вперед между дортуарами семинаристов и домиком его преподобия, вопя и мешая их полуденному отдыху. Дети, проходившие мимо по дороге, думали, что это сумасшедшая, и удивлялись, почему ее не свяжут и почему это ее тянет именно в духовную семинарию, когда есть тысячи других мест.

На второй день его преподобие снова решил поговорить с ней, но она не была расположена его слушать. Никаких разговоров! Она хотела только одного — вернуть сына, а ее сын не хотел идти в родной дом.

Когда она пришла на третье утро, Патрик был готов к встрече с ней. Он многое передумал за ночь и решился на откровенную беседу с матерью. Семинаристы как раз кончили завтракать и выходили из трапезной, когда она снова начала кричать. Патрик шел в обществе двух семинаристов.

— Слышите? Начала... — заметил он, когда раздалась ее крики. — Хоть бы подумала, как она здесь всем надоела. Извините...

В это утро его мать кричала о тех несправедливостях, которые ее сын претерпевал от миссионеров еще в школьные годы: «Зачем вам понадобилось отрывать его от хорошей работы на железной дороге и превращать во что-то бесполезное, после того как он оправился от паралича, который его хватил у вас в колледже Святой Троицы?»

Как раз когда она исчерпала этот вопрос, она и увидела направлявшегося к ней Патрика.

— Они отпустили тебя? — спросила она, поднимаясь на ноги. — Где твои вещи? Забирай их, и пошли.

— Идите домой, мама. Здесь неподходящее место для вас. Вот уже третий день вы досаждаете всем и себя позорите. Ведь другие женщины не приходят сюда!

— Идем со мной, и я оставляю их всех в покое.

— Я не могу идти с вами.

Она протянула к нему руку, но он резко отпрянул назад.

— Не трогайте меня! — предупредил он.

Эти слова сломили ее и лишили сил. Она медленно опустилась на ступени и зарыдала. Воспоминания о том, как она потеряла мужа, сколько ей довелось перестрадать из-за ее мальчика, нахлынули разом, и заставили зарыдать так, как она рыдала только однажды в жизни — когда умер муж. Патрик был тронут ее слезами. Он подумал, что винить ее нельзя, что это суеверия и страхи заставляют ее действовать так, как она действует. Он шагнул вперед и присел с ней рядом. Положив руку на трясущиеся от рыданий плечи, попытался успокоить ее. Прошло какое-то время, прежде чем она пришла в себя.

Она смотрела в пространство невидящим взглядом. Правая рука уперлась в колени, пальцы обхватили локоть левой, подпирающей согнутой в лодочку ладонью бессильно поникшую голову, чуть склонившуюся к плечу. На ее заплаканное лицо нельзя было смотреть без сострадания. Тайные голоса шептали ей: «Поднимись! Не отпускай его! Бей его, избей, посади на цепь, чтобы он больше не мог уйти от тебя. Делай все, что можешь, все, но удержи его».

Она медленно поднялась, и Патрик тоже встал. Голоса все горячее убеждали ее снова и снова: не отпускай его.

Патрик заговорил.

— Мама, мне очень жаль, что вы так восприняли мой уход в священнослужители. Я думал, это порадует ваше сердце — ведь вы и отец благословляли меня на это много лет назад. Вам пора привыкнуть к тому, что я больше не ребенок. Будь я женат, у меня была бы теперь своя семья. Ведь тогда вы не стали бы лезть к нам с наставлениями, как нам строить свою жизнь?

— Сжался надо мной, вернись в свой дом, — умоляла она.

— Нет, мама. Бог призвал меня служить ему, и я не могу его послушаться.

— Пожалуйста, Патрик, прошу тебя. То, что ты слышал, должно быть, был голос дьявола. Если бы бог позвал тебя, он позвал бы и меня тоже.

Юноша хранил молчание.

— Ты пойдешь со мной?

— Нет, мама, я не могу.

Тогда она заговорила с поразившей его страстью:

— Раз ты избрал себе путь без моего позволения, раз ты решил расточать свою жизнь ни за что, раз ты решил послушаться меня, выставил своих родных на всеобщее посмешище в Адо — знай, что у тебя больше нет матери. А у меня больше нет сына! И попомни мои слова: если ты все-таки станешь священником — это будет вода, которая зальет чей-то костер...

Она повернулась и побежала к воротам. Патрик стоял неподвижно. Мать была уже у ворот, когда то, что она сказала, дошло до его сознания. Он скатился по лестнице, перескакивая через ступеньки, помчался за ней, окликая ее на бегу.

— Мама! Мама!

Она не обернулась. Он стоял в воротах и, не отрываясь, смотрел ей вслед, почти физически ощущая, как пустеет его жизнь по мере того, как мать уходит. Он надеялся, что она поймет его, но ошибся, и вот единственный близкий человек, оставшийся у него в этом огромном мире, повернулся к нему спиной. Он следил за ней до тех пор, пока она не свернула на дорогу в Адо, и только тогда медленно побрел в класс.

Старая Вероника Икенга так и не оправилась от потрясения, потеряв сына. Она питала надежду, что ее слезы заставят служителей господ бога вернуть ей мальчика. Но после того, что случилось в тот день, она поняла, что не они одни отобрали у нее сына, но он сам, ее сын, отказался от нее. Спустя несколько дней она слегла и больше не встала. Ей становилось все хуже. Недели через две ее отправили в больницу. Там она и умерла.

Перевел с английского
Анатолий Клышко

МАРИЯ ЖАННА КАРОН

*Центральноафриканская
Республика*

ЗАСУХА

Прощай,
Дождя прохладный звон.
Сад сохнет,
Зноем опалён.

Собаки
Кучей сбились в тень —
Им в эту пору
Лаять лень.

От жара
В трещинах земля,
В зигзагах — белые поля.

Иду по выжженной траве,
Несу кувшин на голове.

Во рту спеклось,
На веках — пыль,
А до Убанги — десять миль...

Перевел В. Викторов